

турного синтеза. Национальная гордость и осознание своей самобытности постоянно балансировали с необходимостью заимствования для выживания и процветания.

Заключение. В целом, культурные реформы периода Мэйдзи были неотъемлемой частью более широкого процесса государственной модернизации. Они трансформировали Японию из изолированного феодального общества в мощную индустриальную державу с уникальной, гибридной культурой. Этот период стал временем колоссального напряжения между традицией и новаторством, между Востоком и Западом, что в конечном итоге привело к созданию новой японской идентичности, которая смогла успешно интегрировать глобальные влияния, сохраняя при этом глубокие корни в своей уникальной истории и духовном наследии. Наследие Мэйдзи продолжает оказывать влияние на японское общество и по сей день, демонстрируя сложность и многомерность культурных трансформаций в ответ на вызовы глобальной истории.

Трансформация японской культуры в эпоху Мэйдзи явилась примером успешной адаптации традиционного общества к вызовам модернизации. Японцы не копировали Запад, а создали собственный путь модернизации, в котором внешние формы прогресса сочетались с внутренней духовной целостностью. Опыт Мэйдзи показывает, что культурная идентичность может не только сохраниться, но и укрепиться в процессе обновления, если модернизация опирается на глубокие духовные ценности общества.

РЕСУРСНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ГВИНЕЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Санкон М.,

*студент 3 курса Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Российская Федерация*

Научный руководитель – Попов С.И., канд. полит. наук, доцент

Ключевые слова. Гвинея, ресурсный национализм, горнодобывающий сектор, национальная идентичность, экономический суверенитет, Западная Африка, сырьевая политика.

Keywords. Guinea, resource nationalism, mining sector, national identity, economic sovereignty, West Africa, resource policy.

В условиях необходимости построения экономического суверенитета богатых природными ресурсами развивающихся стран, переживших тяготы колониального и постколониального периода, ресурсный национализм представляет собой важнейший аспект построения государственности. В частности, в Гвинейской Республике, обладающей крупнейшими в мире запасами бокситов и значительными залежами железной руды, золота и алмазов, это явление берет начало своего развития с момента обретения независимости и по сей день [1], и представляет собой убедительный пример того, как минеральные богатства пересекаются с формированием национальной идентичности, политической легитимностью и стремлениями к развитию в условиях сохраняющихся социально-экономических проблем.

Актуальность представленного исследования обусловлена не только все возрастающим интересом исследователей к странам Западной Африки, богатыми минеральными ресурсами и удачно расположенными на важнейших торговых путях, но и недавними политическими преобразованиями в самой Гвинее, касающимися комплексных реформ горнодобывающего сектора 2024-2025 годов, ознаменовавших собой значительный сдвиг в подходе государства к управлению сырьевыми ресурсами [9].

Цель исследования – проследить историческую эволюцию развития политики ресурсного национализма в странах Западной Африки на примере Гвинейской Республики и проанализировать его роль в формировании национальной идентичности постколониальных западноафриканских стран.

Материал и методы. В рамках исследования использован смешанный подход, сочетающий элементы исторического анализа, изучения документальных источников

и методологию сравнительного изучения в рамках рассмотрения основных этапов эволюции ресурсного национализма в Гвинейской Республике: социалистического периода при Секу Туре (1958-1984), периода либерализации экономики (1984-2010) и современности, характеризующейся ростом стратегического национализма. Кроме прочего, проведенный сравнительный анализ в рамках работы позволяет контекстуализировать опыт Гвинеи в рамках более широких региональных моделей ресурсного национализма в Западной Африке [1].

Материальная база проведенного исследования включает в себя несколько категорий источников. К первой категории относятся правительственные документы, такие как кодексы горного дела, официальные отчеты Министерства горного дела и геологии [7] и политические заявления представителей власти Гвинеи [9]. Вторая категория источников включает в себя научные публикации по гвинейской политической экономике [3, 4], отраслевые аналитические материалы [5] и научные статьи, посвященные развитию горнодобывающего сектора [6].

Результаты и их обсуждение. В рамках исследования были выявлены три основных этапа эволюции ресурсного национализма в Гвинейской Республике.

Начальный период правления Секу Туре (1958-1984), установивший основополагающую парадигму государственного контроля над ресурсами путем национализации существующих горнодобывающих предприятий и создания новых государственных, таких как CBG и SBK [6]. В первую очередь такое видение ресурсного национализма истекло из общего политического вектора развития Гвинеи после обретения независимости и стремления нового руководства страны к полному освобождению от пережитков колониального господства [3]. Первая версия модели ресурсного национализма в следствии идеологических соображений продемонстрировала ограниченную эффективность в обеспечении устойчивого развития горнодобывающего сектора гвинеи, что в последствии привело страну к возникновению структурного дисбаланса, сохранившегося на десятилетия.

Переход к либерализованной модели (1984-2010 годы) ознаменовал значительный отход от социалистических принципов, традиционно характеризовавшийся широкой приватизацией и введением благоприятных для инвесторов кодексов о добыче полезных ископаемых. Горный кодекс 1995 года существенно сократил участие государства в проектах по добыче полезных ископаемых и предложил щедрые налоговые льготы для привлечения иностранного капитала [6]. Хотя этот сдвиг в политике привел к оживлению инвестиций и увеличению объемов производства, он существенно ограничил способность государства получать ресурсную ренту, и к 2000-м годам государственные доходы от этого сектора сократились примерно до 12-14% ВВП [4], что привело к парадоксальной ситуации: рост горнодобывающего сектора сосуществовал с отсталостью экономики и крайней бедностью населения, что указывало на необходимость реформы либеральной модели управления ресурсами.

Современный период (2011 – настоящее время) представляет собой переориентацию на стратегический ресурсный национализм, сочетающий рыночные механизмы с жестким вмешательством государства. Кодексы о добыче полезных ископаемых 2011 и 2023 годов значительно расширили prerogatives государства, введя обязательные требования к переработке на местном уровне и ужесточив налоговые условия [9]. Политический переходный период, последовавший за военным переворотом 2021 года только усилил развитие идеи ресурсного национализма в Гвинеи: новое Правительство рассматривало реформу горнодобывающей отрасли как меру, необходимую для укрепления своей легитимности, делая акцент на ошибки в этой области предыдущих администраций [2, 8]. Кульминацией этой эволюции стала комплексная реформа отрасли в 2024-2025 годах, в ходе которой переходное правительство аннулировало 51 лицензию на добычу полезных ископаемых и возбудило судебные дела против крупных операторов, таких как Emirates Global Aluminium, за несоблюдение обязательств по строительству нефтеперерабатывающих заводов [9]. Пока что действия нового Правительства в рамках провозглашенной доктрины «добываю здесь, совершенствую здесь» представляет собой наиболее систематическую модель реализации ресурсного национализма, однако пока не позволяет сделать выводы об успешности реализуемой политики.

Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что многолетний опыт Гвинейской Республики несмотря на отличительные особенности отражает общую региональную тенден-

цию к развитию и укреплению инструментов ресурсного национализма в ответ на изменчивую динамику мирового рынка, в частности, на растущий спрос на полезные ископаемые, необходимые для перехода на зеленую энергетику [1, 5].

В рамках исследования также удалось определить ряд постоянных проблем, ограничивающих эффективность политики ресурсного национализма в Гвинейской Республике и в ряде стран Западной Африки. Несмотря на формальную правовую базу правоприменительные меры, пробелы в реализации остаются существенными из-за ограниченности институционального потенциала, дефицита инфраструктуры неизбежных противоречий между установлением государственного контроля и поддержанием доверия инвесторов [7]. Кроме того, развитие инструментов ресурсного национализма также не оказывает существенного влияния на показатели развития человеческого потенциала и сокращения нищеты среди местного населения, что еще раз подчеркивает – суверенный контроль над ресурсами не является волшебной таблеткой, способной разрешить системные проблемы стран западноафриканского региона.

Заключение. Таким образом, стоит отметить, что ресурсный национализм в Гвинее в ходе эволюции своего развития превратился из идеологического инструмента постколониального государственного строительства в сложную стратегию экономического управления, представленную в виде синтеза предыдущих моделей управления ресурсами, и сегодня представленная модель ориентирована не только на получение максимальной ренты для государства, но и учитывает колебания мирового рынка ресурсов, становясь еще одним направлением внешнеполитического развития развивающихся стран региона.

1. Mapping the rise of resource nationalism in Africa // Mining Technology : [сайт]. – URL: <https://www.mining-technology.com/features/mapping-the-rise-of-resource-nationalism-in-africa/> (дата обращения: 01.11.2025).

2. Переворот в Гвинее обнажил войну за ресурсы // Информационное агентство Красная Весна : [сайт]. – URL: <https://rossaprimavera.ru/article/817f6d57> (дата обращения: 01.11.2025).

3. McGovern, M. A Socialist Peace? Explaining the Absence of War in an African Country / M. McGovern. – Chicago : University of Chicago Press, 2017. – 249 p.

4. Diallo, P. Regime Stability, Social Insecurity and Bauxite Mining in Guinea / P. Diallo. – London : Routledge, 2019. – 142 p.

5. Guinea Mining Indaba: A bauxite producer with great potential // CRU : [сайт]. – URL: <https://www.crugroup.com/en/communities/thought-leadership/2023/guinea-mining-indaba-a-bauxite-producer-with-great-potential/> (дата обращения: 01.11.2025).

6. Камара, Н. К. Горнодобывающая промышленность Республики Гвинея: особенности и перспективы развития / Н. К. Камара, М. В. Петровская // Интернет-журнал «Наукovedение». – 2018. – Т. 9, № 6. – URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/63EYN617.pdf> (дата обращения: 01.11.2025).

7. Rapport Annuel d'Activites 2022 / Ministère des Mines et de la Géologie : [сайт]. – URL: https://www.itie-guinee.org/wp-content/uploads/2023/06/Rapport_MMG-2022.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

8. Гвинея: страна переворотов и бокситов // РСМД: Российский совет по международным делам : [сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gvineya-strana-perevorotov-i-boksitov/> (дата обращения: 01.11.2025).

9. Guinea's Comprehensive Mining Sector Overhaul: Strategic Resource Nationalism in West Africa // Foreign Affairs Forum : [сайт]. – URL: <https://www.faf.ae/home/2025/5/27/guineas-comprehensive-mining-sector-overhaul-strategic-resource-nationalism-in-west-africa> (дата обращения: 01.11.2025).

СИСТЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ ТАЙСКОГО ПРЕСТОЛА В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ ДИНАСТИИ ЧАКРИ

Скамарощенко С.С., Иванова Е.О.,

студентки 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Величко Н.В., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Таиланд, монархия, престолонаследие, династия Чакри, Юго-Восточная Азия.

Keywords. Thailand, Monarchy, Succession to the throne, Chakri Dynasty, Southeast Asia.

Система престолонаследия является важным элементом передачи верховной власти в монархических государствах. Монархия в Таиланде восходит к 1238 году, когда Си Индрадитья в ходе победы над кхмерами основал царство Сукотаи и положил начало королевской династии. Ныне правящей династией является пришедшая к власти